

Львова С. Д. Сравнения в олонхо: устойчивость и трансформации (на материале текстов северной эпической традиции якутов) / С. Д. Львова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219.

Lvova, S. D. (2020). Olonkho Comparisons: Stability and Transformations (based on the Texts from the Northern Epic Tradition of the Yakuts). *Nauchnyi dialog*, 4: 203-219. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219. (In Russ.).

УДК 398.22(=512.157)+82-13

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219

СРАВНЕНИЯ В ОЛОНХО: УСТОЙЧИВОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СЕВЕРНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЯКУТОВ)¹

© Львова Сахая Даниловна (2020), orcid.org/0000-0003-1311-8609, ResearcherID Y-2653-2019, SPIN 4610-8584, магистр филологии, заведующий сектором «Информационная система Олонхо» Научно-исследовательского института Олонхо, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), lvovasd85@gmail.com.

Представлены результаты компаративного анализа вариантов устойчивых сравнений, характерных для северной эпической традиции якутов. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью сравнений на материале эпических текстов северных районов в сопоставлении с утвердившимися традициями олонхо центрального и вилуйского регионов Якутии для выявления их общности и специфики. Особое внимание уделяется структуре сравнительных конструкций, их параллелизации и содержанию образов сравнения. Приводится подробный анализ компонентов пяти устойчивых сравнений, функционирующих во всех четырех текстах. В результате исследования установлена повышенная устойчивость сравнений в верхоянском, момском и оймьяконском текстах олонхо, в которых варьируется только периферийная часть (эпитеты, дополнительные члены параллелизма). Рассматривается заметное авторское внесение сказителя в среднеколымском тексте, где выявлены своеобразные объекты и образы сравнения. Обнаружен образ сравнения, характерный только северной эпической традиции при описании богатырского стола. Приводятся определения отдельных устаревших слов и их толкования с целью установления исходных образов олонхо. Предлагается отсутствующее в словарях якутского языка определение слова *кунньалык*, используемого в качестве эпитета, включенного в состав сравнения, и в качестве обозначения самостоятельного эталона сравнения.

Ключевые слова: эпос; якутское олонхо; эпические традиции олонхо; речевое средство эпической образности; сравнение; объект сравнения; образ сравнения; устойчивые сравнения; трансформация.

1 *Благодарности:* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-412-140013 р а.

1. Введение

Сравнение — одно из наиболее ранних и широко используемых речевых средств эпической образности. По концепции А. А. Потебни, в сравнениях фольклорных произведений отражается чувственно-конкретное восприятие мира, которое было свойственно человечеству на определенном уровне развития. Он утверждал, что «всякое искусство есть образное мышление, т. е. мышление при помощи образа. Образ заменяет множественное, сложное, трудноуловимое по отдалённости, неясности чем-то относительно единичным, и простым, близким, определённым, наглядным» [Потебня, 1990, с. 133]. Сравнение среди всех жанров словесного творчества человечества находит наиболее широкое применение в эпических произведениях. С его помощью создаются уникальные образы, наиболее живописно передающие реалии и действия эпического повествования. Л. А. Лебедева при изучении устойчивых сравнений русского языка отметила, что «сравнение представляет собой чувственно-наглядную форму отражения реального мира в сознании человека. Сравняя, <...> мы познаем окружающий мир и одновременно образно его характеризуем, выражаем свое отношение к нему, даем ему оценку» [Лебедева, 2011, с. 3]. Как определяет В. А. Маслова, устойчивое сравнение является ярким образным средством, «способным дать ключ к разгадке национального сознания» [Маслова, 2001, с. 145].

Сравнения широко используются и в жанрах якутского фольклора, особенно в эпосе олонхо. В якутском сказительском творчестве искусное владение этим речевым средством достигло высокой степени мастерства, о чем свидетельствуют в своих трудах исследователи поэтики якутского фольклора и литературы [Ефимова, 2013; Иванов А. А., 1979; Петров, 1978; Романова, 2002]. Сравнения, созданные олонхосутами, имеют предназначение передавать не столько смысловую информацию, сколько эмоциональное отношение сказителя к действию, его мировоззрение и мироощущение, а также интеллектуальные и творческие способности рассказчика. А так как олонхо является коллективным произведением, помимо индивидуальных качеств отдельной личности, оно способно охарактеризовать национально-специфическое видение мира целого народа [Герасимова и др., 2016, с. 66—67].

Изучение сравнений олонхо является частью комплексного исследования эпического наследия якутов, где олонхо северных улусов (районов) Якутии представляет собой самостоятельную региональную традицию. По причине недостаточной изученности выявление своеобразия олонхо северной традиции представляется одной из сложных задач. Цель статьи состоит в выявлении устойчивых сравнений в северных эпических текстах и в установлении их специфики. Исследование сравнений основывается на теоре-

тических положениях отечественных фольклористов: Ф. М. Селиванова [Селиванов, 1977], А. В. Кудиярова [Кудияров, 2002], В. П. Аникина [Аникин, 2007], С. М. Орус-Оол [Орус-Оол, 2001], Л. Ц. Санжеевой [Санжеева, 2011]. Работа выполнена с использованием традиционной методологии текстологического исследования, включающей методы ареальной лингвистики, сравнительного анализа, описательного, также когнитивного анализа.

Материалом исследования выбраны четыре изданных текста олонхо, зафиксированных в разных улусах (районах) северо-восточной части Якутии (рис. 1). Наиболее ценным представляется «Хаан Дьаргыстай» (далее — ХДь) [ХДь, 2016] — одна из самых ранних записей олонхо, произведенная в конце 1860-х годов политссыльным И. А. Худяковым от неизвестного сказителя Верхоянского улуса. Олонхо «Кётёр Мюлгюн» (далее — КМ) сказителя Момского улуса Д. М. Слепцова [Момские олонхо, 2004, с. 14—133], «Дугуйа Бэгё» (далее — ДБ) сказителя Оймяконского улуса М. Ф. Аммосова [Оймяконские олонхо, 2017, с. 25—137], «Лабангхачаан огоннёр» (далее — ЛО) сказителя Среднеколымского улуса К. Н. Третьякова [Среднеколымские олонхо, 2016, с. 197—242] записаны в начале 1940-х годов. В качестве сопоставительного материала были рассмотрены тексты олонхо центральной [ААТ, 2002; АБ, 1994; АХ, 2009; ДьНБ, 1947; ДьНО, 2013; КД, 1993; КхКК, 1985; МБ, 2010; НьБ, 2011; Судб, 2013; ЭБ, 1911] и вилюйской [КБ, 2014; МЭС, 1996; СБ, 2011; УДб, 2010; УЭС, 2012] региональных эпических традиций.

Рис. 1. Расположение Верхоянского (В), Момского (М), Оймяконского (О), Среднеколымского (С) улусов на территории Якутии [The location of Verkhoyansk (B), Moma (M), Oymyakon (O), Srednekolymsk (C) districts of Yakutia].

В результате сплошной выборки сравнительных конструкций из рассматриваемых текстов установлены частотность использования и повтор сравнений в этих олонхо. Наиболее частотны сравнения в момском тексте — всего 250 сравнительных структур, 190 неповторяемых сравнений. В текстах центральных и вилкойских олонхо такой показатель считается высоким [Львова, 2019, с. 129]. Полные данные статистического анализа сравнений представлены в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Частотность и повторы сравнений в северных олонхо
[Frequency and repetition comparisons in Northern olonkho]

Текст	Объем текста (стих. строки)	Частотность использования сравнения	Кол-во неповторя- емых сравнений	Кол-во устойчивых сравнений	Кол-во повторов одного сравнения					
					2-кратно	3-кратно	4-кратно	5-кратно	6-кратно	7-кратно
ХДь	6680	219	180	35	23	4	—	—	—	—
КМ	5124	250	190	38	21	8	4	1	—	1
ДБ	4221	127	109	22	9	3	—	—	—	—
ЛО	4500<*	164	106	18	13	6	2	3	1	1

Текст записан в прозаической и стихотворной формах.

2. Устойчивость и трансформации сравнений

Рассматриваемые тексты олонхо богаты устойчивыми формулами. Особенно выделяются верхоянский и момский тексты, в которых насчитывается до 35—38 устойчивых сравнений (в оймьяконском и среднеколымском — 18—22). Основным же материалом для изучения устойчивости и изменения сравнений в настоящей работе послужили пять сравнительных конструкций, функционирующих во всех четырех текстах:

СРАВНЕНИЕ, УПОДОБЛЯЮЩЕЕ БОГАТЫРСКИЙ СТОЛ ЛЬДИНЕ ЗАМЕРЗШЕГО ОЗЕРЦА. Это устойчивое сравнение используется в экспозициях олонхо, в которых после живописного пейзажа описывается жилище главного героя, и в дальнейшем практически не повторяется (табл. 2).

Устойчивость этого сравнения оказалась высокой: ни объект сравнения — *күөл мууһа* ‘лед озерца’, ни образ сравнения — *остуол* ‘стол’ не претерпели изменения. В языковом оформлении отличается только эпитет

Таблица 2

Льдина замерзшего озера:
вариации эталона сравнения в северных олонхо

ХДЬ	<i>Көлүйэ күөл бууһун Түүрэйдиш хабан ылбыт курдук Күндэл көмүс остуолаах буолбут.</i>	Льдине озера <i>көлүйэ</i> , Целиком снятой, подобный Ярко-блестящий стол имеет.
КМ	<i>Көлүйэ күөл мууһа Күөрэ тонгон тахсыбытын курдук Күндүл көмүс остуоллооһо үһү.</i>	Льдине озера <i>көлүйэ</i> , Поднимаясь застывшей, подобный Ярко-блестящий стол имеет, гово- рят.
ДБ	<i>Көлүйэ күөлү мууһун көддүк Күөбүлльээх күөгэй маҕан остуо- лун ...</i>	Льдине озера <i>көлүйэ</i> подобный Выстроганный изящный белый стол свой ...
ЛО	<i>Күндэ күөл мууһун көһөрөн оло- рут курдук күндэ маҕан остуоламмыт.</i>	Льдине озера <i>күндэ</i> , перенесен- ной, подобным сияющим белым столом обзавелся.

составной части образа сравнения в среднеколымском тексте. Так, вместо *көлүйэ*, что означает ‘маленькое озеро, озерцо, пруд’ [БТСЯЯ, т. 4, с. 250], использовано слово *күндэ* ‘неглубокое озеро с прозрачной и чистой водой’ [Там же, с. 646]. Семантические поля этих слов сопредельны, а отличительный признак не учитывается при оформлении сравнительного выражения. Главным образом сравнения здесь является льдина замерзшего озера, а основанием для сопоставления служат округлая форма оледеневшего водоема, гладкая поверхность льда и её светло-сверкающий цвет. Следовательно, такая вариация не вносит существенного отличия в сравнение. При рассмотрении вариантов этого устойчивого сравнения в текстах олонхо центральной и вилуйской традиций, выяснилось, что в большинстве из них привлекается другой образ — *алаас сыһы* ‘широкая поляна’. Данный образ используется и в верхоянском тексте олонхо, но для описания шестка богатыря и широкого лица абаасы (представителя Нижнего мира, чудовища). Стоит отметить, что вариант сравнения стола с широкой поляной ранее был выявлен нами в тексте олонхо «Эриэдэл Бэргэн» [Ефимова и др., 2017, с. 66—67], записанном А. Ф. Миддендорфом от неизвестного сказителя в 1844 году. Этот текст признается учеными первой записью в истории изучения якутского эпоса. Из этого следует, что во второй половине XIX века олонхосуты использовали оба варианта сравнений, но в дальнейшем образ оледеневшего озера сохранили только в северной эпической традиции.

СРАВНЕНИЕ, ИЗОБРАЖАЮЩЕЕ «ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ», ИМЕЮЩИЙ РАЗЛИЧНЫЕ ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКУ В РАЗНЫХ ТЕКСТАХ ОЛОНХО (табл. 3).

Таблица 3

Черный камень: вариации эталона сравнения в северных олонхо

ХДЬ	<i>Сылгы быарын курдук Хара хайыр тааһы хайа харбаан ылан ...</i>	Печени лошади <i>подобный</i> Черный мелкий камень резко схватив ...
КМ	<i>Сытар ынах/ынах ханнын саҕа хара тааһын Халбарыччы аньһан биэриэхтин!</i>	Черный камень, <i>размером</i> <i>слежачую корову / с рубец лежачей коровы</i> , сдвинет пусть!
ДБ	<i>Сытар анах саҕа Хара таас баар буолуоҕа.</i>	<i>Размером</i> с лежачую корову Черный камень там окажется.
ЛО	<i>... ньыгыл хара ынах саҕа тааһынан баттатан кэбиһэллэр.</i>	... камнем, <i>размером</i> <i>скоренастую черную корову</i> , придавили.

В верхоянском олонхо на родине девушки-красавицы сидит сватающийся насильно абаасы, до пояса погрузившись в черные камни и постоянно перебирая их. Эти камни сравниваются с печенью лошади. В отличие от остальных трех вариантов с показателем *саҕа* ‘размером с’ в верхоянском сравнении использован универсальный показатель *курдук* ‘как, подобный’, и основой для сопоставления является общий вид камня — размер, форма и цвет. Далее в материалах остальных трех олонхо используется другой, «коровий», образ сравнения. К тому же черный камень наделяется магическим свойством удерживать темные силы, благодаря чему он оберегает человека: в момском олонхо камень служит заслоном прохода в Нижний мир, в оймаконском — единственным безопасным местом, на котором можно сидеть богатырю в чужом доме, а в среднеколымском олонхо им сдавливают пепел, оставшийся от сожженного тела девы абаасы. При сопоставлении четырех вариантов сравнения, учитывая то, что верхоянское олонхо записано ранее других почти на столетие, можно предположить постепенное превращение первичного «лошадиного» образа-соматизма в «коровий» образ-зооним. Однако при рассмотрении материалов центральной и вилнойской эпических традиций, в том числе и записей 1880—1890-х годов [Олонхо Жулейского наслега, 2013], выясняется популярность образа рубца лежачей коровы при описании камней, по большей части черных и таинственных. Образ-зооним *лежачая корова* встречается намного реже: он установлен в трех записях 1934 и 1959 годов [АТ, 2002; СудБ, 2013; МБ, 2010]. А сравнение черного камня с лошадиной печенью в рассмотренных нами двадцати текстах, к сожалению, не выявлено. Между тем есть основание полагать, что его вариантом является распространенное среди традиционных олонхо сравнение богатырского

огнива с печенью жеребенка, поэтому в перспективе необходимо дальнейшее изучение этого образа с привлечением еще более широкого материала.

СРАВНЕНИЕ, УПОДОБЛЯЮЩЕЕ ГЛАЗА КОЛЬЦАМ УДИЛ ДЛЯ КОНЯ, является общим для эпической традиции якутов и изображает «круглые, широко открытые глаза» [БТСЯЯ, т. 10, с. 391]. В момском и оймьяконском олонхо это сравнение применяется при описании глаз богатыря, в верхоянском — глаз абаасы, а в среднеколымском оно изображает глаза богатырского коня (табл. 4).

Таблица 4

Кольца удил для коня: вариации эталона сравнения в северных олонхо

ХДЬ	<i>Эрдэһиннээх үүн тиэрбэһин саба харахтаах.</i>	<i>Размером с</i> крученное кольцо удил глаза имеет.
КМ	<i>Икки тэргэн тиэрбэс саба Хара харахтааба.</i>	<i>Размером с</i> большое кольцо Два черных глаза имел.
ДБ	<i>Аллаах ат алтан үүнүн Тиэрбэһин көддүк Икки иччилээх эрилькэй харахтаах.</i>	Медному кольцу удил резвого коня <i>подобных</i> , Два вещих ясных глаза имеет.
ЛО	<i>... үүн тиэрбэһин эриллэччи тунпут курдук эриэ бураа харахтаах...</i>	... скрученному кольцу удил <i>подобные</i> вращающиеся глаза имеет ...

В рассматриваемых примерах варьируется лишь периферийная часть компонентов сравнения — эпитеты. Функция эпитетов заключается в передаче дополнительных качеств: размера и цвета глаз, а также особенного взгляда. Эпитеты *тэргэн* ‘большой’ и *хара* ‘черный’, относящиеся к момскому тексту, изображают черные большие глаза. Глаза верхоянского абаасы и оймьяконского богатыря, а также среднеколымского богатырского коня представляются своеобразными. Скорее всего, эпитеты *эрдэһин* ‘крученный’, *эрилькэй* и *эриэ-бураа* описывают, помимо собственно глаз, и их необычный взгляд. Первый эпитет посредством описания волнистого края круга визуализирует вращение, постепенно погружающееся вглубь, что создает образ притягивающего, «колдовского глаза». Для словосочетания *эрилькэй харах* словарь указывает значение ‘большие, ясные, открытые глаза’ [БТСЯЯ, т. 15, с. 319]. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского тоже приведено похожее значение, но в нем указано, что слово образовано от глагола *эрилий* [СЯЯ, т. 1, стлб. 302], который в свою очередь толкуется в словарях уже как ‘образовывать, выписывать круги’, ‘быть, казаться широким, круглым и глубоким (о глазах)’ [БТСЯЯ, т. 15, с. 315], ‘вертеться (о глазах)’ [СЯЯ, т. 1, стлб. 301]. И третий эпитет *эриэ-бураа*, по всей вероятности, имеет близкое значение с выражением *эрилий-бурулуй* ‘вращаться, кружиться’ [БТСЯЯ, т. 15, с. 315—316]. Таким образом, все три описываемые глаза / взгляды отличаются свойством,

позволяющим охарактеризовать своего хозяина: обладателю таких глаз могут быть присущи такие качества, как любопытство / любознательность, хитрость / проницательность, резвость и некая «чуждость».

СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЯЮЩЕЕ КОНЕЧНОСТИ БОГАТЫРЯ С КРУПНЫМИ ДЕРЕВЬЯМИ или с их ОБРУБКАМИ, — одна из самых распространенных эпических формул. Это сравнение имеет множество вариантов и часто параллелизируется, количество членов параллелизма иногда доходит до 5—7 единиц. Помимо этого, оно часто оформляется и в виде метафоры, которая является типом «скрытого сравнения». Из рассмотренных текстов только в момском олонхо часть этого сравнения выражается метафорой. При сопоставлении всех четырех вариантов становится ясным, что ядром формулы является двухчленный параллелизм — сравнения богатырских *былчын* ‘мышц’ и *уллук* ‘бедер’ (то есть рук и ног) по отдельности с деревьями / обрубками деревьев (табл. 5).

Таблица 5

Деревья, чурбаны: вариации эталона сравнения в северных олонхо

ХДЬ	<i>Уолах тиит Орто чууркатын курдук уллуктаах, Баай тиит Базарах кэрдитин курдук былчыннаах.</i>	<i>Подобные</i> средней чурке молодой лиственницы бедра имеет, <i>Подобные</i> толстому обрубку зрелой лиственницы мышцы имеет.
КМ	<i>Ба ай тиит бастын чуулката баллырдааба*, Уолан тиит отто чуулкатын саба уллуктааба, Эриллэбэс тиит саба илиилээбэ, Хатылаабас тиит саба харылааба.</i>	[<i>Подобные</i>] отборному обрубку зрелой лиственницы мышцы имел*, <i>Размером с</i> среднюю чурку молодой лиственницы бедра имел, <i>Размером с</i> косослойную лиственницу руки имел, <i>Размером с</i> свилеватую лиственницу предплечья имел.
ДБ	<i>Суллаабыт тиит көддүк сотоолоох, Хастаабыт тиит көддүк харылаах, Баай тиит бастын чуулкатын көддүк баллырдаах, Уолах тиит отто чуулкатын көддүк уллуктаах.</i>	<i>Подобные</i> окоренной лиственнице голени имеет, <i>Подобные</i> очищенной от коры лиственнице предплечья имеет, <i>Подобные</i> отборному обрубку зрелой лиственницы мышцы имеет, <i>Подобные</i> средней чурке молодой лиственницы бедра имеет.
ЛО	<i>... түөт суллаабыт хатын дьулун саба түөт дьүөрэн сотордоох, баай хара тиит бастын чуулкатын быспыт курдук былчыннардаах.</i>	... <i>размером с</i> четырех окоренных березовых чурбанов четыре голени имеет, <i>подобные</i> обрезанному отборному обрубку зрелой лиственницы мышцы имеет.

* Сравнение оформлено метафорой.

В верхоянском тексте ядро использовано без периферии (то есть без дополнительных членов параллелизма). В момском и оймьяконском же текстах к нему примыкают еще два члена параллелизма, из которых сравнения предплечья идентичны, что является признаком связи этих двух олонхо. Также в данных текстах в ядре формулы объект сравнения *былчын* ‘мышца’ заменен на *баллыр*, значение которого в словаре ‘передняя нога скота, зверя, обрезанная по лопатке’ [ср. тюрк. *балдыр*, *палдыр* (‘икры (ног)’)] [ТСЯЯ, т. 2, с. 166]. Для рассматриваемого объекта больше подходит последнее определение, и можно предположить, что в этих вариантах слово *баллыр* употреблено в своем устаревшем значении.

Трансформация приведенной устойчивой формулы наблюдается в тексте среднеколымского олонхо. Прежде всего, в нем она привлечена для традиционного описания не богатыря, а его коня. Во-вторых, изменение затрагивает и само ядро формулы, в котором один из членов параллелизма полностью заменяется: вместо сравнения бедра с обрубком лиственницы проводится уподобление голени березовому чурбану. Кроме того, сказитель посредством данного варианта осуществил сдвиг в семантическом поле объекта второго сравнения, хотя его оформление осталось неизменным: если изначально под *былчын* подразумевались мышцы верхних конечностей, то в среднеколымском олонхо он уже обозначает мышцы ног. Сказитель здесь не говорит о руках и ногах, как при описании человека, а условно разделяет все четыре конечности животного на две части: в первом сравнении описывает голени, во втором — бедра. Подобный вариант сравнения не найден в наших материалах, в том числе в трех других текстах, включенных в издание среднеколымских олонхо [Олонхо Среднеколымского улуса, 2016], поэтому сравнение оценивается нами как импровизация сказителя.

Сравнение, уподобляющее уши и глаза небесным светилам, является компонентом общеизвестного устойчивого выражения, которое служит зачином обращения персонажа олонхо к другому персонажу (чаще посылного к главному герою) с просьбой внемлить произносимым словам (табл. 6).

Так как функция этого выражения заключается в требовании выслушать сообщение, гипотетически можно считать, что исходным сравнением здесь является уподобление ушей месяцу. В пользу такого предположения служит и тот факт, что во всех вариантах это сравнение упоминается первым.

Верхоянский вариант этого выражения представляет собой случай трехчленного параллелизма и содержит оформленные метафорой сравнения: уши ассоциируются с месяцем, глаза — со звездой и сиянием солнца,

Таблица 6

Небесные светила: вариации эталона сравнения в северных олонхо

ХДЬ	<p><i>Икки истэр кэр чуор Куньялык тэргэн ый Кулгаахкынан * истэ-сэрэйэ тур, Икки көрөр көр чолбон, Кун күндэлэс, Аламай харахкынан * көрө бүдүлээн тур, Далай далгырата санаабынан* Чахчы таайан таба өйдөөн тур!</i></p>	<p>[Подобными] <i>куньялык</i> большому месяцу двумя чуткими ушами* слушающая-предполагающая, стой, [Подобными] солнечно-ярким звездам двумя ясными глазами* глядя, стой, [Подобным] глади большого моря сознанием,* точно предугадывая-соображая, стой!</p>
КМ	<p><i>Сэттэ тэриргэннээх тэргэн манган ыйым Тэннээбэ буолбут кэр-чуор кулгаах- хынан Мин диэтэх киһи Этэр тылым иччитин Таба кириштээн иһит ... Абыс өргөстөөх Аламай маҕан күн саҕа Кырабы хараххынан Бүдү-бады мөссүүммүн Таба таайан көрө сым!</i></p>	<p>Большому белому месяцу с его семью отблесками Равными чуткими ушами своими В суть мною произносимых слов Вникая слушай... Размером с [ясное белое солнце С его семью лучами] Зоркими глазами своими Сумрачный вид мой, Внимательно разглядывая, лежи!</p>
ДБ	<p><i>Иччилээх икки тэргэн ый тэнэ бу- олбут Чэр-чуор кулгааххынан Таба чахчы өйдүөн иһит!</i></p>	<p>Большому месяцу равными Двумя вещами чуткими ушами своими Верно-точно внемли-слушай!</p>
ЛО	<p><i>Икки куньялык* саҕа кулгааххын үөргү-сүөргү туттан, икки мас андытын курдук хара чох хараххынан көрүөххүнэн көрөн, көрөн туран этэр тылбын, санарар санам эгэлгэтин иһит.</i></p>	<p>Размером с два налучника ушами своими, попеременно шевеля, двум лесным турпанам подобными угольно-черными глазами своими проникновенно глядя, тебе прямо в глаза сказанным мною словам, смыслу произнесенной речи моей внемли.</p>

* Сравнение оформлено метафорой.

сознание — с гладью большого водоема. В момском олонхо выражение оформлено двухчленным параллелизмом, в котором уши сравниваются с месяцем, глаза — с солнцем. В оймьяконском варианте использовано только одно сравнение — уподобление ушей месяцу. В этих трех вариантах эталоном сравнения для ушей выступает луна — *тэргэн ый* ‘большая

луна', к ее обозначению примыкают различные эпитеты. Здесь сопоставление проводится скорее всего на основе формы и цвета небесного цветила. А сравнение глаз со звездой и / или солнцем описывает ясные глаза, остроу взгляда богатыря.

Любопытным предстает вариант среднеколымского текста, в котором образы сравнения пережили трансформацию. Так, в первом сравнении, описывающем ухо, вместо образа большой луны подобран эталон, названный *куньялык*. Этот образ определенно не является случайным, так как слово *куньялык* значится и в оформлении образа верхоянского сравнения, но только в качестве дополнительного эпитета к образу. Понятие, обозначенное этим словом, весьма неоднозначно и требует детального рассмотрения. Во-первых, согласно толковому словарю, *куньялык* — это 'футляр для стрел лука', иначе называемый *кэхэх*, переводится как 'колчан' [БТСЯЯ, т. 4, с. 480]. В этот же словарь включено слово *куньюлу*, которое определяется как 'длинный, продолговатый, стоячий (напр., о конских ушах)' [Там же]. Далее обращаемся к словарю Э. К. Пекарского: **Куньялы** [ср. куньялык] = **куньюлу** — округловатый, долгокруглый, продолговато-круглый <...> **Куньялык** [ср. куньялы] — 1) Округловатый, продолговато-круглый <...> 2) Вместителище стрел. <...> **Куньюлу** = **куньялы** — длинный, продолговатый, стройный [СЯЯ, т. 1, стлб. 1217—1218]. Три слова представлены отдельно, их определения переплетаются и одновременно противоречат друг другу: во всех вариантах речь идет об ухе (в основном лошадином), которое и «округлое», и «длинное».

Чтобы внести некоторое уточнение, приводим выдержку из этнографического описания комплекта вооружения из книги «Военное дело якутов»; здесь обнаруживается третий вариант определения **куоньялык**: *Лук (саа, ох саа, кураахтаах саа) вкладывался в налучье-куоньялык, состоящее из двух частей: нижнего и верхнего. Налучье шили из хорошо выделанной кожи, <...> У якутов колчан называется "кэхэх" ...* [Васильев, 1995, с. 71]. Из этого следует, что *куоньялык* — это не колчан для стрел, а налучник, то есть чехол для самого лука. Оказалось, что этот налучник имеет форму продолговатого полукруга, которую легко можно сопоставить с ухом человека [Там же, с. 67, рис. 2]. И здесь, поскольку ухо человека и ухо коня имеют совершенно различные формы, возникает вопрос о том, к какому же из этих двух объектов был изначально подобран образ налучника. На наш взгляд, более обоснованным будет вариант с ухом богатыря. Во-первых, основной эталон сравнения в формуле — это месяц, который в любой своей фазе (новая луна — полумесяц или полная луна) не вызывает ассоциации с лошадиным ухом, а с человеческим

может быть сопоставим по своему очертанию. Во-вторых, сама функция этой формулы требует особого внимания от адресата, чаще всего являющегося именно главным героем, к которому приносят какое-либо важное известие. Так, во всех четырех рассмотренных текстах эта формула применена как обращение к богатырю. Единственное, что следует принимать во внимание, — пример из среднеколымского текста. В этом сравнении наблюдается полное выпадение образа месяца, от него остались лишь два фрагмента — эпитеты *икки* ‘две’ и *кунньалык* ‘налучник’, последний из которых превратился в самостоятельный образ на основе сравнения.

Что касается второго сравнения среднеколымского варианта, изображающего глаза, то традиционный «небесный» образ сравнения (звезда / солнце) внезапно заменен образом-орнитонимом *анды* ‘турпан’. В первом случае в этом тексте он реализован в варианте *мас андыта* ‘лесной турпан’ с показателем *курдук* ‘подобный’, и, учитывая преимущественно черный окрас этой утки и цветовой эпитет *хара чох* ‘черный уголь’ у объекта сравнения, можно сказать, что этот образ создан скорее всего на основе сопоставления цвета. В остальных пяти случаях: эталон сравнения — *аты-ыр анды* ‘самец турпана’, объект — глаза, в основном без эпитета. Хотя эти сравнения оформлены с помощью показателя *саба* ‘размером с’, глаза здесь скорее всего уподоблены турпану не для гиперболизации размера, а на основе формы и цвета. Подобные сопоставления глаз с турпаном не зафиксированы ни в текстах центральных и вилюйских олонхо, ни в других эпических текстах, изданных в книге «Среднеколымские олонхо» [Среднеколымские олонхо, 2016], поэтому данный вариант сравнения мы также оцениваем как импровизацию сказителя.

3. Заключение

В результате анализа пяти устойчивых сравнений в рассмотренных текстах олонхо северных улусов Якутии можно обозначить следующие позиции. Во-первых, верхоянские, момские и оймьяконские варианты сравнений обладают высокой устойчивостью, что нельзя сказать о среднеколымских вариантах — в них установлено заметное вмешательство автора. Импровизация присуща и момскому тексту олонхо, однако сказитель, со слов которого был записан вариант, строго придерживается канонов эпической традиции и реализует свое творчество только в рамках установленных границ. Во-вторых, по содержанию объектов и образов, по тождественности эпитетов и по структуре сравнительных конструкций переключаются сравнения между текстами: 1) верхоянским и момским, 2) момским и оймьяконским, 3) оймьяконским и среднеколымским, 4) верхоянским и

среднеколымским фрагментарно. Момские сравнения, безусловно, близки с оймьяконскими вариантами, тем не менее нет признаков близости между оймьяконскими и верхоянскими. Момские сравнения отличаются от близкородственных верхоянских и оймьяконских расширенной периферийной частью (дополнительные эпитеты), что является скорее всего показателем широкого арсенала художественно-изобразительных средств, используемых сказителем. Среднеколымские сравнения, которые наиболее близки к оймьяконским, не находят отклика в момском тексте, но, что интересно, имеют едва ощутимую связь с верхоянскими сравнениями. И, в-третьих, специфика сравнений рассмотренных олонхо северных улусов традиционно проявляется в «пластичном» компоненте: выявлен образ льдины замерзшего озера, характерный только для северной эпической традиции при описании богатырского стола.

Источники и принятые сокращения

1. ААТ — *Алексеев Р. П.* Алаатыыр Ала Туйгун : [олонхо] в 3 кн. / [сказитель Р. П. Алексеев]. — Якутск : Бичик, 2002. — Книга 1. — 354 с. ; Книга 2, 398 с. ; книга 3, 490 с. (Богатыри саха : 21 т. ; т. 1). (на якутском яз.).
2. АБ — *Захаров Т. В.* Ала Булкун : якутское олонхо. — Якутск : Сахаполиграфиздат, 1994. — 104 с. (на якутском яз.).
3. АХ — *Ала Хотобой* : [олонхо] / [сказитель М. И. Белых]. — Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2010. — 232 с. (на якутском яз.).
4. БТСЯЯ, ТСЯЯ — *Большой* толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. / Под редакцией П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2011.
5. ДьНБ — Дьулуруйар Ньургун Боотур = Ньургун Боотур Стремительный : [олонхо] / текст К. Г. Оросина. — Якутск : Госиздат ЯАССР, 1947. — 409 с. (на якутском и русс. яз.).
6. *Олонхо* Жулейского наслега. Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. — Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2013. — 266 с. (на якутском яз.).
7. КБ — *Александров Н. С.* Көр Буурай : олонхо. — Якутск : Бичик, 2014. — 336 с. (на якутском яз.).
8. КД — *Кыыс Дэбиллэйэ* : якутский героический эпос. — Новосибирск : ВО «Наука», 1993. — 330 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на якутском и русс. яз.).
9. КхКК — *Куруубай* хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивый Кулун Куллустуур : якутское олонхо / [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов]. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. — 605 с. (на якутском и русс. яз.).
10. МБ — *Говоров Д. М.* Мулдьу Бөбө = Непобедимый Мюльджу Бөгө : олонхо : в 2 кн. — Книга 1. — 484 с. ; Книга 2. — 326 с. — Якутск : Бичик, 2010. — 477 с. (на якутском и русс. яз.).
11. *Момские* олонхо / [сост. : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова]. — Якутск : Бичик, 2004. — 240 с. (Богатыри саха : 21 т. ; т. 4). (на якутском яз.).

12. МЭС — *Якутский* героический эпос. «Могучий Эр Соготох». — Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 440 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на якутском и русс. яз.).

13. НьБ — *Абрамов Н. А.* Ньургун Бөбө : олонхо / [сказитель Н. А. Абрамов]. — Якутск : Бичик, 2011. — 512 с. — (Богатыри саха : 21 т. ; т. 10). (на якутском яз.).

14. *Среднеколымские олонхо* / [составители : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова]. — Якутск : Бичик, 2016. — 280 с. — (Богатыри саха : 21 т. ; т. 18). (на якутском яз.).

15. СЯЯ — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка : в 3 т. / Э. К. Пекарский ; Акад. наук СССР. — 2-е изд. — Москва : АН СССР, 1958—1959.

16. *Оймяконские олонхо* / [Составители : В. В. Илларионов, Н. А. Оросина]. — Якутск : Бичик, 2017. — 192 с. — (Богатыри саха : 21 т. ; т. 19). (на якутском яз.).

17. СБ — *Каратаев С. Н.* Сүүллэдьин Боотур : олонхо. — Якутск : Цумори пресс, 2011. — 122 с. (на якутском яз.).

18. СудБ — *Сылгы* уола Дьырай бухатыыр = Сын лошади богатырь Дьырай : [олонхо] / [сказитель И. И. Бурнашева]. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. — 371 с. (на якутском и русс. яз.).

19. УДб — *Мартынов М. З.* Уол Дуолан бухатыыр : [олонхо]. — Якутск : Бичик, 2010. — 248 с. — (Богатыри саха : 21 т. ; т. 7). (на якутском яз.).

20. УЭС — *Тагров Н. Г.* Омуннаах-төлөннөөх Уол Эр Соботох = Неистовый Эр Соготох : олонхо. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. — 368 с. (на якутском и русс. яз.).

21. ХДь — *Хаан Дьаргыстай* : олонхо/ [зап. И. А. Худяков]. — Якутск : Алаас, 2016. — 232 с. (на якутском яз.).

22. ЭБ — *Эриздэл Бэргэн* : [олонхо] // Образцы народной литературы якутов : [в 5 вып.] / собр. Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. Наук, 1911. — Т. 1, выпуск 5, ч. 1. — С. 473—474. (на якутском и русс. яз.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин В. П.* Теория фольклора / В. П. Аникин. — Москва : КДУ, 2007. — 432 с.
2. *Васильев Ф. Ф.* Военное дело якутов / Ф. Ф. Васильев. — Якутск : Бичик, 1995. — 221 с.

3. *Герасимова Л. Н.* Способы выражения сравнения в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» и «Ёлбёт Бэргэн» Н. Т. Абрамова / Л. Н. Герасимова, С. Д. Львова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. — 2016. — № 2. — С. 52—64. — DOI : 10.25587/SVFU.2016.2.10878.

4. *Ефимова Л. С.* Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири : классификация, общая характеристика / Л. С. Ефимова. — Новосибирск : Наука, 2013. — 178 с.

5. *Ефимова Л. С.* Поэтика якутского олонхо : образы сравнения (на материале текста, записанного А. Ф. Миддендорфом) / Л. С. Ефимова, С. Д. Львова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. — 2017. — № 2 (6). — С. 65—74. — DOI : 10.25587/SVFU.2017.6.10664.

6. *Иванов А. А.* Художественная форма якутской поэзии : поэзия, семантика // Кыһар тунат / А. А. Иванов. — Якутск : Книжное издательство, 1979. — С. 227—266. (на якутском яз.).

7. Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А. В. Кудияров. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — 329 с.
8. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : краткий тематический словарь / Л. А. Лебедева. — Москва : Флинта, 2011. — 300 с.
9. Львова С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и кай чэрчэк «Маадай-Кара») / С. Д. Львова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. — 2019. — № 3 (15). — С. 126—139. — DOI : 10.25587/SVFU.2019.15.36605.
10. Маслова В. А. Человек в зеркале сравнения / В. А. Маслова // Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — С. 142—191.
11. Орус-Оол С. М. Тувинские героические сказания. Текстология, поэтика, стиль / С. М. Орус-Оол. — Москва : Макс Пресс, 2001. — 422 с.
12. Петров В. Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе / В. Т. Петров. — Москва : Наука, 1978. — 137 с.
13. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — Москва : Высшая школа, 1990. — 344 с.
14. Романова Л. Н. А. Е. Кулаковский и его современники : особенности поэтического языка / Л. Н. Романова. — Новосибирск : Наука, 2002. — 120 с.
15. Санжеева Л. Ц. Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09. — Улан-Удэ, 2011. — 358 с.
16. Селиванов Ф. М. Поэтика былин / Ф. М. Селиванов. — Москва : Издательство Московского университета, 1977. — 128 с.

OLONKHO COMPARISONS: STABILITY AND TRANSFORMATIONS (BASED ON THE TEXTS FROM THE NORTHERN EPIC TRADITION OF THE YAKUTS)¹

© Sakhaya D. Lvova (2020), orcid.org/0000-0003-1311-8609, ResearcherID Y-2653-2019, SPIN 4610-8584, Master in Philology, Head of the “Olonkho Information System” Sector, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), lvovasd85@gmail.com.

The results of a comparative analysis of options for stable comparisons characteristic of the northern epic tradition of the Yakuts are presented. The relevance of the study is due to insufficient research of comparisons on the material of epic texts of the northern regions matching the established traditions of the olonkho of the central and Vilyuy regions of Yakutia to identify their commonality and specificity. Particular attention is paid to the structure of comparative constructions, their parallelization and the content of comparison images. A detailed analysis of the components of the five stable comparisons operating in all four texts is provided. As a result of the study, increased stability of comparisons was established in the Verkhoyansk, Mom and Oymyakon texts of the olonkho, in which only the peripheral part varies (epithets, additional terms of parallelism). The author's notable introduction of the narrator in the Middle Kolyma text is considered, where peculiar objects and images of comparison are revealed. A comparison

1 *Acknowledgments*: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of scientific project No. 18-412-140013 p a.

image was found that is characteristic only of the northern epic tradition when describing the heroic table. The definitions of individual obsolete words and their interpretation with the aim of establishing the original images of olonkho are given. A definition of the word *kunnyaalyk*, missing in the dictionaries of the Yakut language, used as an epithet, included in the comparison construction and as a designation of an independent reference standard is proposed.

Key words: epic; Yakut olonkho; epic traditions of olonkho; speech means of epic imagery; comparison; object of comparison; image of comparison; stable comparisons; transformation.

MATERIAL RESOURCES

- Abramov, N. A. (2011). *Nurgun Boşo: olonkho*. Yakutsk: Bichik. (Bogatyri sakha: 21 t., 10). (In Yakut.).
- Ala Khotōşoy: [olonkho]. (2010). Yakutsk: IGLiPMNS SO RAN. (In Yakut.).
- Aleksandrov, N. S. (2014). *Kor Buuray: olonkho*. Yakutsk: Bichik. (In Yakut.).
- Alekseyev, R. P. (2002). *Alaatyir Ala Tuỳgun: [olonkho] v 3 kn., 1, 2, 3*. Yakutsk: Bichik. (Bogatyri sakha: 21 t., 1). (In Yakut.).
- Burnasheva, I. I. (2013). *Sylgy uola Dyyray bukhatyir = Syn loşhadi bogatyr' Dyyray: [olonkho]*. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Yakut.).
- Duluruyar Nurgun Bootur = Nyurgun Bootur Stremitelnyy: [olonkho]. (1947). Yakutsk: Gosizdat YaASSR. (In Yakut.).
- Govorov, D. M. (2010). *Myldy Bōşo = Nepobedimyy Myuldzhyu Bege: olonkho: v 2 kn., 1, 2*. Yakutsk: Bichik. (In Yakut.).
- Illarionov, V. V., Illarionova, T. V. (eds.) (2004). *Momskiye olonkho*. Yakutsk: Bichik. (Bogatyri sakha: 21 t; t. 4). (In Yakut.).
- Illarionov, V. V., Illarionova, T. V. (eds.) (2016). *Srednekolymskiye olonkho*. Yakutsk: Bichik. (Bogatyri sakha: 21 t., 18). (In Yakut.).
- Illarionov, V. V., Orosina, N. A. (eds.) (2017). *Oymyakonskiye olonkho*. Yakutsk: Bichik. (Bogatyri sakha: 21 t., 19). (In Yakut.).
- Karatayev, S. N. (2011). *Syyleldin Bootur: olonkho*. Yakutsk: Tsumori press. (In Yakut.).
- Khaan Dargystay: olonkho. (2016). Yakutsk: Alaas. (In Yakut.).
- Kyys Debiliye: yakutskiy geroicheskiy epos. (1993). Novosibirsk: VO «Nauka». (Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dalnego Vostoka). (In Yakut.).
- Kuruubay khaannaakh Kulun Kullustuur = Stroptivyy Kulun Kullustuur: yakutskoye olonkho. (1985). Moskva: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Yakut.).
- Martynov, M. Z. (2010). *Uol Duolan bukhatyir: [olonkho]*. Yakutsk: Bichik. (Bogatyri sakha: 21 t., 7). (In Yakut.).
- Olonkho Zhuleyskogo naslega. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannyye E. K. Pekarskim*. (2013). Yakutsk: IGLiPMNS SO RAN. (In Yakut.).
- Pekarskiy, E. K. (ed.) (1911). Eriedel Bergen: [olonkho]. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov: v 5 vyp., 1(5) / 1*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperat. Akad. Nauk. 473—474. (In Yakut.).
- Pekarskiy, E. K. (1958—1959). *Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 t.* Akad. nauk SSSR. 2-e izd. Moskva: AN SSSR. (In Russ.).
- Sleptsova, P. A. (ed.) (2011). *Bolshoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaarylaakh ulakhan tyldyta: v 15 t.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ., Yakut.).
- Tagrov, N. G. (2012). *Omunnaakh-tolennōekh Uol Er Soşotokh = Neistovyy Er Sogotokh: olonkho*. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Yakut.).

- Yakutskiy geroicheskiy epos. «Moguchiy Er Sogotokh»*. (1996). Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatelskaya firma RAN. (Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dalnego Vostoka). (In Yakut.).
- Zakharov, T. V. (1994). *Ala Bulkun: yakutskoye olonkho*. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (In Yakut.).

REFERENCES

- Anikin, V. P. (2007). *Teoriya folklore*. Moskva: KDU. (In Russ.).
- Efimova, L. S. (2013). *Algys sakha (yakutov) v svete folklornykh traditsiy tyurko-mongolskikh narodov Sibiri: klassifikatsiya, obshchaya kharakteristika*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Efimova, L. S., Lvova, S. D. (2017). Poetika yakutskogo olonkho: obrazy sravneniya (na materiale teksta, zapisannogo A. F. Middendorffom). *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya Eposovedeniye*, 2 (6): 65—74. DOI: 10.25587/SVFU.2017.6.10664. (In Russ.).
- Gerasimova, L. N., Lvova, S. D. (2016). Sposoby vyrazheniya sravneniya v olonkho «Udaganiki Uolumar i Aygyr» i «Elbet Bergen» N. T. Abramova. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya Eposovedeniye*, 2: 52—64. DOI: 10.25587/SVFU.2016.2.10878. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (1979). Khudozhestvennaya forma yakutskoy poezii: poeziya, semantika. In: *Kyyhar tunat*. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 227—266. (In Yakut.).
- Kudiyarov, A. V. (2002). *Khudozhestvenno-stilevyye traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurkoyazychnykh narodov Sibiri*. Moskva: IMLI RAN. (In Russ.).
- Lebedeva, L. A. (2011). Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: kratkiy tematicheskiy slovar'. Moskva: Flinta. (In Russ.).
- Lvova, S. D. (2019). Sravneniya v yakutskom i altayskom eposakh (na materiale olonkho «Moguchiy Er Sogotokh» i kay cherchek «Maaday-Kara»). *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya Eposovedeniye*, 3 (15): 126—139. DOI: 10.25587/SVFU.2019.15.36605. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). Chelovek v zerkale sravneniya. In: *Lingvokulturologiya*. Moskva: Akademiya. 142—191. (In Russ.).
- Orus-Ool, S. M. (2001). Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya. *Tekstologiya, poetika, stil'*. Moskva: Maks Press. (In Russ.).
- Petrov, V. T. (1978). *Folklornyye traditsii v yakutskoy sovetsskoy literature*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Potebnaya, A. A. (1990). *Teoreticheskaya poetika*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Romanova, L. N. (2002). *A. E. Kulakovskiy i yego sovremenniki: osobennosti poeticheskogo yazyka*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Sanzheyeva, L. Ts. (2011). *Poetika folklorного teksta (na materiale buryatskogo eposa): dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Ulan-Ude. (In Russ.).
- Selivanov, F. M. (1977). *Poetika bylin*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Vasilyev, F. F. (1995). *Voyennoye delo yakutov*. Yakutsk: Bichik. (In Russ.).